

УДК 130.2

DOI: 10.34670/AR.2021.51.64.011

Теоретические концепции развития культуры

Хубаева Соня Абесаломовна

Старший преподаватель,
кафедра философии и культурологии,
Юго-Осетинский государственный университет им. А.А. Тибилова,
100001, Республика Южная Осетия, Цхинвал, ул. Московская, 8;
e-mail: khubaeva.sonya@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию феномена «культура» в его историческом движении с философской точки зрения. Вопросом исследования культуры стали заниматься спустя тысячелетия после её возникновения. Свою задачу мыслители видели в объяснении смысла культуры и связи мировой истории в целом с человеком как творцом культуры и его личностным развитием. В результате такого процесса исследования появилась научная дисциплина – культурология, которая призвана ответить на поставленные вопросы.

В статье рассматриваются важные концепции культуры, начиная с XVIII века до появления марксизма, приводятся точки зрения именитых философов, в основном представителей немецкой классики.

В работе показано, что в определении феномена культуры не справились со своей задачей в полной мере и все иначе ориентированные мыслители, в том числе материалисты. И в таком виде культурологическая наука дошла до второй половины XIX века, когда сложилась до того неизвестная, глубоко оригинальная социально-философская система марксизма, которая по своей внутренней логической сущности оказалась во многом переломной и в решении проблематики культуры.

Для цитирования в научных исследованиях

Хубаева С.А. Теоретические концепции развития культуры // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2021. Том 10. № 3А. С. 89-101. DOI: 10.34670/AR.2021.51.64.011

Ключевые слова

Культура, история, культ, познание, образование, материальное начало, духовное начало, идеология, нравственность, человечность, разумность, гуманность.

Введение

Все объекты человеческого познания имеют удивительно сложную судьбу по многим параметрам: по степени их сложности, по объёму, по содержанию, по их значимости для человечества и т.д. Но, тем не менее, удивительна судьба познания и в том, что одни виды знания становятся предметом теоретических рассуждений и размышлений сразу же с момента их появления, другие задолго до их зарождения, а третьи проходят довольно долгий путь исторического бытия, прежде чем становятся объектом внимания научной общественности.

Именно к третьему виду относится культура. Как соответствующее социальное явление она появляется значительно раньше даже своего названия. При этом «зачатки культуры» уходят корнями к древности человеческого существования, а предметом адекватного их отражения в сознании они становятся не сразу, а спустя тысячелетия, что в известной степени определяется и тем, что само отражение предполагает и требует известного уровня культурного развития человечества.

Основное содержание

Зарождение культуры как самостоятельного научного понятия большинство лингвистов относят к XVIII веку, а до этого времени термин «культура» встречается не в индивидуальном значении, а в различных словосочетаниях типа «агрокультура», культивирование духа или же «культура поведения». Миновали многие века, прежде чем люди занялись вплотную изучением того, что представляет собой культура, откуда и почему она появилась.

Сказанное не означает, что человеческие познавательные способности только к XVIII веку достигли уровня возможного теоретического анализа и осмысления явлений культуры. Напротив, с точки зрения самого достижения требуемого уровня культурного развития для нужд теоретического осмысления феноменов культуры человечество вполне было готово уже к античной стадии своего исторического развития. Об этом вполне достоверно свидетельствует литературное наследие античных мыслителей. Но, тем не менее, факт остается фактом - к теоретическому осмыслению явлений культуры человечество непосредственно приступило лишь в XVIII веке.

Как известно, слово «культура» этимологически восходит к древнему латинскому слову «культ» (лат. cultura), которое означает «возделываю», «почитаю», а соответственно и означало почитание, поклонение. В ту седую древность человеческого бытия культ носил исключительно религиозную нагрузку. Но какими бы ни были искренними и внушительными религиозные чувства людей, на практике они не жили и не могли жить одними верованиями. И когда люди на своем собственном опыте стали убеждаться в том, что не всё фатально предопределено внушающими страх и надежду «верховными существами», а многое зависит от собственной расторопности, умения и сноровки, они постепенно начали переносить и распространять культовые представления на самого человека.

Осознание сущности культуры напрямую связано с осмыслением того обстоятельства, что в человеческой жизни всё зависит от него самого, что своей активной преобразующей деятельностью он меняет не только природную и социальную действительность, но и собственное существо. Прийти к такому убеждению было не просто. И потребовались целые тысячелетия, прежде чем созрели реальные условия и предпосылки для его утверждения.

К середине XVIII столетия созревание таких условий было непосредственно связано с капиталистической системой хозяйствования, с ее экономическим, политическим и духовным

строим. Капиталистический способ производства с его широким внедрением частного предпринимательства, свободной конкуренцией воочию показал людям, чего реально может достигнуть человек благодаря своей собственной трудовой деятельности. Капитализм основательно разрушил все старые, патриархальные связи и отношения людей. Если до этого времени эти отношения воспринимались как неизменные чисто природные или чисто божественные явления, то естественно, что обнаружение их земной (человеческой) сущности соответственно способствовало «эмансипации» человека и от природной, и от божественной зависимости. А это привело к тому, что в сознании человека готовились кардинальные преобразования, результатом которых стало изменение отношения человека не только к внешнему природному и социальному мирам, но и к самому себе. Все это привело к окончательному утверждению принципа развития как всеобщего принципа всего существующего, которому подвластен и сам человек во всех своих измерениях.

Памятники мировой культуры и цивилизации свидетельствуют о том, что с того самого времени, когда наши предки обрели черты сознательного существа, чтобы они не делали, вся их деятельность прямо или косвенно, сознательно или бессознательно, была сопряжена с задачей осознания и осмысления своего собственного бытия, своей собственной сущности. Наиболее ярко это выражалось в философии, литературе и искусстве, в поэзии и драматургии.

Интерпретация человеческой сущности продолжилась и в средние века с той разницей, что здесь при полном господстве религии человек был представлен как исключительно божественное творение, в котором всё и вся происходит единственно по воле и желанию Бога, поэтому человек ничего не мог творить по собственному желанию и усмотрению. Так продолжалось долгие столетия, в течение которых и эмпирические наблюдения и теоретические размышления людей все же делали своё дело по преодолению означенной концепции и к эпохе *Возрождения* успели оформиться в принципиально новую концепцию, получившую соответственно своей оригинальности довольно пикантное наименование: «*Открытие человека*».

В новой концепции он, человек, не просто был реабилитирован в своих активно действенных способностях, но даже существенно приравнялся в этом к самим божествам. В представлении создателей новой концепции, в частности итальянских гуманистов, люди своим трудом не только завершают дело творения мира, но благодаря своему «искусству», они совершенствуют и то, что непосредственно дано самой природой, и именно этим род человеческий приобщается к общей гармонии всего мироздания.

Мыслители в эпоху Возрождения выражение «человечности» усматривали именно в «разумности» и «гуманности». Отсюда, когда возникла потребность в обозначении всего, что является человеческим, одним понятием, то решению этой задачи и по своему этимологическому, и по своему генетическому происхождению больше отвечало слово (понятие) «*культура*», таким образом, оно и вошло в научный оборот.

Когда на эмпирическом уровне стало очевидно, что мотивы человеческих действий (материальные и духовные, идеальные и меркантильные, социальные и личностные, сознательные и бессознательные и т.д.) настолько обширны, многоплановы, многомерны, что не поддаются никакому учету, возникла проблема их классификации. Решение этого вопроса столкнуло мыслителей XVII века и с проблемой соотношения культуры и цивилизации, которая оказалась настолько значимой, что не сходит с авансцены социальной истории вот уже несколько столетий.

Непосредственными преемниками гуманистов по изучению сущности человека, а, следовательно, и культуры, оказались философы – рационалисты XVII века Р. Декарт и Б.

Спиноза. Продолжая начатое гуманистами дело, они заострили внимание на том, что «свобода» и «самостоятельность» действительно являются уделом лишь только разумного существа, обладающего способностью к теоретическому познанию.

Мыслители XVIII века пытались рассмотреть отношение между духом и телом человека. В целом вопрос остался нерешенным, но сама постановка проблемы имела огромное значение для всей последующей истории культуры. Именно на её фундаменте вырастают две диаметрально противоположные концепции культуры, получившие названия *натуралистической* и *идеалистической* концепций. Суть первой концепции сводится к попыткам объяснения феномена культуры самой «естественной природой» человека; суть второй сводится к попыткам выведения феномена культуры из сверхчувствительной, исключительно духовной природы или сущности человека. Иначе выражаясь, исходной посылкой для обеих концепций служило древнейшее деление и мира в целом, и самого человека как части этого целого на физические и духовные сущности, но в обоих случаях упор делается на необходимости выяснения роли места разума.

Сторонники первой концепции исходили из следующей установки: человек, прежде всего, есть природное существо, и хотя он составляет вершину её развития, он остается частью природы и потому подчиняется законам природы. В результате, по их убеждению человек является природным существом и подобно всем другим живым существам рождается с определенными страстями, запросами, потребностями, желаниями, влечениями. Подлинный смысл деятельности человека заключается: во-первых, в самосохранении, во-вторых, в стремлении к собственному благополучию, с наибольшей полнотой удовлетворения своих природой заданных страстей и влечений.

По высказываниям одного их виднейших представителей данной концепции Гольбаха это звучит так: «*Природа пожелала, чтобы каждый индивид дорожил собственным существованием, ибо все человеческие страсти естественны, а целью всех движений человеческого сердца является самосохранение и благополучие*» и именно поэтому «*Все наши учреждения, наши размышления и познания имеют своей целью только доставить нам то счастье, к которому нас заставляет стремиться наша собственная природа*». [Гольбах, 1963, 337].

Роль разума, его цель и назначение в этом случае заключается в содействии реализации цели природы. Признавая существование всеобъемлющего универсального разума, человеческому разуму больше ничего не остается, кроме как быть его частью и находиться в его полном повиновении. Человек согласно этой позиции оказывается всего лишь марионеткой в руках, господствующей в мире естественной, а потому разумной необходимости и закономерности.

Начало новому взгляду на культуру положил основоположник классической немецкой философии Кант. Он оказался первым, кто ясно понял явную несостоятельность попыток объяснения сущности культуры с позиции природной сущности человека и сделал все от него зависящее для их развенчания и преодоления. Кант соглашается с просветителями в том, что человек действительно является разумным существом, и что именно его разум составляет основополагающий отличительный признак, по которому происходит его выделение из всех других частных образований целостного мироздания. Он согласен с ними и в утверждении идеи конечного торжества разума. Наконец он согласен с ними и в том, что человек действительно рождается с определенными природными задатками и способностями, склонностями и желаниями, которые, безусловно, имеют важнейшее значение в его непосредственной жизнедеятельности.

«Если в самом человеке должно находиться то, чему как цели должна содействовать связь

его с природой, то цель эта должна быть либо такого рода, чтобы сама могла быть удовлетворена благодеяниями природы, либо же это есть пригодность и умение осуществлять всевозможные цели, для чего природа внешне и внутренне могла бы быть использована человеком. Первой целью человека было бы счастье, а второй – культура человека». [Кант, 1966, 462]

Взгляды Канта расходятся со своими предшественниками по вопросу механического отождествления цели, целесообразности и разумности, из которого мыслители прошлого заключали, что наблюдаемая в мире целесообразность - явное свидетельство тому, что там функционирует какой-то универсальный разум, который и создает гармонию целостного мироздания.

Рассуждения Канта по этому вопросу сводятся к следующему: если бы в мире действительно царила какая-то «мудрость», то это еще не значит, что мудрость присуща природе спонтанно. Она ведь могла быть навязана ей извне, в результате чего сама природа так и окажется «лишенной царства разума» миром, каковой её считал и сам Кант. Кроме того, в этом случае, она недоказуема научно, и все подобные допущения базируются и могут базироваться все лишь на фундаменте нашей «рефлекторной способности суждения». Если в мире действительно функционировал какой-то универсальный разум, который бы действительно составил единственное условие и гарант человеку в достижении всех его целей, желаний и влечений, то для чего ему еще и собственный разум? Для более полной и всесторонней реализации его физической природой обусловленных задатков, запросов и желаний? Но ведь этому лучше способствует инстинкт, нежели разум. Разве не подтверждается это тем, что в самой жизни люди далеко не всегда награждаются земными благами соответственно их интеллектуальным дарованиям? Можно утверждать обратное: чем выше поднимается человек по шкале интеллектуального развития, тем более ранимым он становится чувственно. Эти вопросы с той или иной полнотой разбросаны в огромном литературном наследии Канта.

Кант указывал на то, что суть культуры заключается в общественной ценности человека [Кант, 1966, 11], а историю человеческого рода в целом он рассматривал как выполнение тайного плана природы - осуществить внутренне и для этой цели также внешне совершенное государственное устройство как единственное состояние, в котором она может полностью развить её задатки, вложенные ею в человечество, а все природные задатки живого существа предназначены для совершенного и целесообразного развития.

«Попытка философов разработать всемирную историю согласно плану природы, направленному на совершенное гражданское объединение человеческого рода, должна рассматриваться как возможная и даже как содействующая этой цели природы!» «Идея всеобщей истории во всемирно - гражданском плане». [Кант, 1966, 8-21].

В этих рассуждениях Канта содержится достаточно весомая правомерная мысль, которая способствует осмыслению и осознанию кантовской концепции культуры. Философ четко сформулировал прямую зависимость культуры от свободы воли, считая, что там, где нет свободы действия и волеизъявления, там нет и надобности в разуме, а, следовательно, и культуры, так как культура оставляет плод и следствие именно «сознательной каузальности».

Кант вполне логично заявляет, чтобы каждый человек «научился наиболее полно использовать свои природные задатки», ему нужно было бы выделить долгий срок земной жизни, а коль скоро природа распорядилась отвести ему столь короткую жизнь, то соответственно и выполнение его задатка разумного существа из индивидуального перекладывается на родовое существо человечества. Поэтому Кант и утверждает, что

заложенные в человеке задатки развиваются полностью не в индивидуе, а в роде.

В результате кантовский категорический императив представляет собой всеобщий общеобязательный принцип, которым должны пользоваться все люди, независимо от происхождения, положения, состояния, пола, возраста, национальной принадлежности, государственных образований и т.д. Философ верил в торжество такого нравственного закона, означавшего реализацию исторического назначения и призвания человека, и полное торжество разума и справедливости. Он верит, что когда-нибудь наступит время, когда достигнет, наконец, такого состояния, когда все его природные задатки человеческого рода смогут полностью реализоваться, и его назначение на Земле будет исполнено.

Ф. Шиллер был одним из тех, кто из после кантовских мыслителей вплотную занялся проблемами культуры, посвятив этому вопросу целую серию статей, в которых он отстаивает утверждения Канта, соглашаясь с ним в том, что человеческое бытие состоит из антиномии: физическое и духовное, природное и социальное, чувственное и умственное, индивидуальное и родовое, личностное и общественное, реальное и идеальное. [Шиллер, 1957, 290-292]. Однако он принципиально расходится с ним в понимании их сочетаний.

Если Кант в культуре усматривал цель и средство подавления и преодоления в человеке всего природного, чувственно обусловленного умственно-нравственным его существом, то Шиллер видел в культуре возможность достижения гармонии природного и человеческого, как необходимых компонентов человеческого бытия и развития. В своих письмах Шиллер страстно отстаивает мысль о том, что в человеке как разумно действующем существе, реально функционируют и природно-чувственные и духовно - нравственные компоненты, силы и факторы, которые именно в единстве, но в определенных границах, составляют целостную человеческую природу. Он считал, что задача культуры состоит не в поглощении одних из них другими, а в примирении их.

«Задача культуры двоякая: во – первых, охрана чувственности от захватов свободы, во вторых, охрана личности от силы чувствований. Первого она достигает развитием способности чувствовать, а второго - развитием разума» [Шиллер, 1957, 252].

Уже отсюда видно, что относительно человеческого индивида культуру с её целью и смыслом Шиллер усматривал в гармоническом развитии личности, т.е. в возможно более полном соразмерном сочетании и развитии в ней физических сил и духовных способностей.

Шиллер довольно удачно определил тот факт, что в эпоху капиталистического разделения труда, связанного с узкой специализацией, индивиды низших классов лишаются возможности достижения гармонического развития культурных сил потому, что подавленные физическим однообразием труда, они вообще не поднимаются до культуры. Значительную вину в этом Шиллер возлагает и на саму культуру. *«Сама культура нанесла новому человечеству эту рану. Как только сделалось необходимым благодаря расширившемуся опыту и более определенному мышлению, с одной стороны, более отчетливое разделение наук, а с другой – усложнившийся государственный механизм потребовал более строгого разделения сословий и занятий, тотчас порвался и внутренний союз человеческой природы, и пагубный раздор раздвоил ее гармонические силы.»* [Шиллер, 1957, 263].

Следует понимать, что претензии Шиллера к культуре обусловлены также и тем, что в немецком лексиконе понятие «культура» идентифицируется с понятием «цивилизация». Но в целом очевидно, что Шиллер, подобно многим мыслителям его эпохи, возлагал ответственность за печальные последствия капиталистического разделения труда и специализации производства не на социальные условия и формы этого разделения, а на государство и на культуру.

Согласно Шиллеру, судьбу культуры в капиталистическом мире не следует считать

фатально неизбежной, хотя бы потому, что она не везде и не всегда находилась в таком печальном состоянии: в человеческой истории были времена, которые в полной мере способствовали расцвету культуры именно как гармоничного развития физических сил и духовных ценностей человеческого индивида. В качестве образца Шиллер ссылается на античную Грецию и восторженно он её характеризует. Он считает, что хотя греческий образец человечества представлял собой бесспорно *«высшую точку развития»*, человечество не могло ни удержаться на этом уровне, ни возвыситься над ним, что было бы идеальным путем исторического движения культуры.

«Вечно прикованный к отдельному малому обломку целого, человек сам становится обломком; слыша вечно однообразный шум колеса, которое он приводит в движение, человек не способен развить гармонию своего существа, и вместо того чтобы выразить человечность своей природы, он становится лишь отпечатком своего занятия...» [Шиллер, 1957, 265-266].

А в этих словах тезисное оформление ответа Шиллера на вопрос о выходе культуры из оказавшегося в капиталистическом мире трагического состояния: *«Неужели же природа ради своих целей отнимает у нас совершенство, которое предписывается нам целями разума? Итак, неверно, что развитие отдельных сил должно влечь за собою пожертвование целостности; или же, сколько бы законы природы к этому ни стремились, все же должно находиться в нашей власти восстановление этой уничтоженной искусством целостности нашей природы, при помощи искусства еще более высокого»*. [Шиллер, 1957, 270]

Во времена Шиллера по этому вопросу предлагались два варианта его решения: а) *социальная революция* и б) *возвращение к прошлому*. Шиллер не согласен ни с одним из них. Первый вариант он отвергал по тем соображениям, что в революции он усматривал разрушение всякой государственности, а это он считал недопустимым потому, что в государстве видел силу физического упрочения общественных связей между людьми, и потому в его разрушении усматривал вообще крушение общественной целостности как жизнеспособного организма.

Шиллер «естественное государство» отождествлял с обществом, и поэтому для него уничтожение первого автоматически означало уничтожение второго. Реальный физический человек живет там, где уже возникла культура – в государстве. Мыслимо ли на сегодня человеческое существование без государства? Шиллер категорически заявляет, что существование государства не должно прекращаться ни на один момент. *«Ибо уничтожая естественное государство разум рискует физическим и действенным человеком ради проблематичного нравственного, рискует существованием общества ради возможного идеала общества. Так нельзя же ради того, чтобы поднять достоинство человека, ставить на карту самоё его существование»*. [Шиллер, 1957, 792].

Второй вариант Шиллер опровергал как абсолютно беспочвенную, бессмысленную утопию, понимая, что пути возврата из неприглядного в навсегда покинутое прошлое не существует.

И на этом пути Шиллер видит единственную возможность выхода – через эстетику и искусство. Он настойчиво проводит мысль о том, что искусство может преодолеть человеческую разобщенность на чувственное и мыслимое, учитывая то, что ни в одном другом виде человеческой деятельности столь гармонично не сочетаются реальное и идеальное, абстрактное и конкретное, чувственное и мысленное. Это и понятно, ибо искусство зиждется на художественном образе, а такой образ одновременно и реален, и идеален, чувственен и мыслим, абстрактен и конкретен. Шиллер считал, что преодолеть подавленность человека возможно, если он, человек, действует как художник, как творец, поскольку нет иного пути сделать человека разумным, как только сделав его сначала эстетическим.

Неудивительно, что его идеи философии культуры Шиллера пришлись по душе

романтикам, в частности немецким: Л. Тику, Новалису, В. Вакконродеру, Шеллингу, Ф. Шлейермахеру, Гофману и др. По концепции романтиков суть культуры составляет свобода индивидуального творческого самовыражения, что придает ей в каждую эпоху неповторимый, уникальный индивидуальный облик. Отсюда и их противопоставление реальным жизненным невзгодам, неурядицам и коллизиям исключительно сотканный фантазией художника мир искусства. В таком мире, полагают романтики, человек в состоянии отрешиться от обыденного, житейского, земного и сохранить свою индивидуальность. Иначе говоря, романтики только поэзию считали истинной действительностью, противопоставляя её современной им цивилизации как нечто античеловеческое, исключительно враждебное человеческому существу и назначению. Поэтому поэзию они преподносили и толковали как автономную, суверенную сферу человеческого существования, свободную от всякой внешней необходимости, а, следовательно, и от всех земных забот, сует и невзгод.

Следует отметить, что недовольство романтиков современным им состоянием культуры подогревало их интерес к истории культуры, с которой им удалось связать теорию культуры, представив ее как философское истолкование реального процесса исторического развития культуры. Романтики в историческом развитии культуры наиболее завершенным этапом считали не античную культуру, а культуру феодального средневековья, обосновывая это убеждение тем, что искусство античности было обращено к элитным слоям общества, а эксплуатируемые массы, в частности рабы, как основной эксплуатируемый класс, - вообще исключались из сферы воздействия искусства, в то время как в средние века искусство стало одним из средств воздействия и на сознание последних. А это значит, что оно расширило диапазон своего воздействия. В искусстве средневековья воплощены многие из тех сторон и качеств нравственного мира человека, которые для художников античного мира так и остались незамеченными.

Из культуры средневековья романтики акцентировали внимание на всем том, что в нем прямо или косвенно согласовывалось с их культурно-эстетическим кредо, согласно которому суть культуры сводится к выражению «человеческой субъективности», т.е. к ничем внешне не ограничиваемой свободе индивидуального творческого самовыражения личности. Но в такой установке настолько явно виден культурологический субъективизм, выраженный в игнорировании в формировании культуры всех и всяких объективных детерминантов, что это обстоятельство не могло не вызвать явное негодование таких глубоких мыслителей, как Фихте, Шеллинг, Гегель, которые как мыслители - диалектики неплохо сознавали взаимозависимость объективного и субъективного в формировании культуры. Но сразу отметим, что историческая заслуга последних в данном случае заключается не столько в решении вопроса, сколько в его постановке.

В понимании Фихте культура сводится к процессу согласования неизменного разумного «Я» с чувственным миром, что достигается путем упражнения и выработки соответствующих навыков. Иначе говоря, Фихте полагает, что наши действия в качестве эмпирических людей определяются не нами самими, но воздействием «Не я», т.е. чувственным миром. Несмотря на это, наше «Я» должно оставаться самим собой, а это возможно только при видоизменении действующего на наше «Я» - «Не я» таким образом, чтобы достигнуть известного единства между ними. Достижение такого изменения требует постоянного упражнения и выработки определенных навыков, что как раз и составляет культуру. *«Культура различается только по своим степеням, но она включает в себе способность к бесконечному количеству степеней. Она - последнее и самое высшее средство для достижения конечной цели человека - полного согласия с самим собою. Она, сама по себе - последняя цель, если человек - разумно - чувственное*

существо; она последняя цель даже в том случае, если человека рассматривать как только чувственное существо. Чувственность должна подвергнуться культуре. Это последнее и наивысшее из того, что с ней можно делать» [Фихте, 1993, 226-227].

Шеллинг не оставил специально посвященных характеристике культуры соображений, однако из духа его философских произведений видно, что он целиком разделял точку зрения тех мыслителей, которые субстанциальной основой человеческой свободы и культуры считали не индивидуальную «человеческую субъективность» - подобно романтикам, а его родовую сущность.

Не обошел стороной вопросы культуры и Георг Гегель, который указывал, что целью разума является не удовлетворение потребностей отдельного человека и его капризов, а переход от обособленности гражданской жизни к всеобщности мышления, возможный только при помощи культуры. Человек культурный должен делать все, не выставляя своей частности. Чтобы посредством философии пройти все ступени «образования мирового духа» с тем, чтобы сделать его понятным, теоретически усвоенным, закрепленным в собственном мышлении для него единственным показателем культуры оказывается то, насколько человеческий индивид преуспел сделать в этом направлении.

«Культурность есть сглаживание особенности, чтобы она вела себя согласно природе предмета. И истинная оригинальность является творчеством настоящего предмета, требует культурности, между тем как ложная оригинальность принимает форму тех безвкусовых проявлений, которые приходят в голову лишь некультурным людям». [Гегель, 1934, 316].

В реальной жизни культура в своем абсолютном определении для Гегеля есть освобождение, а именно абсолютный и переходный этап на пути к субъективной субстанциональности нравственности:

По сравнению с эпохой Просвещения, именно в классической немецкой философии происходит смещение акцентов с анализа природы на исследование человека, человеческого мира и истории. При этом уже у Канта ясно выражена мысль об автономности человека и его истории относительно природы. Представители немецкой классики впервые осознают, что Человек живет не в мире природы, а в мире культуры, и, рассматривая его как продукт культуры, можно разгадать целый ряд философских загадок. Деятельность людей толкуется ими только как духовная деятельность, а потому на самые фундаментальные вопросы представители классической немецкой философии отвечают с позиций сначала субъективного (Кант) и лишь затем объективного идеализма. Что же касается значения материальной деятельности человека в зарождении и формировании феномена культуры, то она либо вообще отрицается, либо сводится к чему-то второстепенному.

Заключение

Из сказанного очевидно и то, что в определении феномена культуры не справились со своей задачей в полной мере и все иначе ориентированные мыслители, в том числе материалисты. И в таком виде культурологическая наука дошла до второй половины XIX века, когда сложилась до того неизвестная, глубоко оригинальная социально-философская система марксизма, которая по своей внутренней логической сущности оказалась во многом переломной и в решении проблематики культуры.

Библиография

1. Гегель. Сочинения в 14 томах. Том 7. Л.: Государственное социально-экономическое издательство (Соцэкгиз), 1934.
2. Гольбах П.А. Избранные произведения в двух томах. Том 2. М.: Мысль 1963, 563 с.
3. Кант И. Сочинения в шести томах. Том 4. М.: Мысль, 1965, с.
4. Кант И. Сочинения в шести томах. Том 5. М.: Мысль, 1966, 564 с.
5. Кант И. Сочинения в шести томах. Том 6. М.: Мысль, 1966, 743 с.
6. Шиллер Ф. Собрание сочинений в семи томах. «Письма об эстетическом воспитании человека». Том 6 М.: Красный пролетарий, 1957,.
7. Литературная теория немецкого романтизма. Л.1934. 329 с.
8. Фихте И.Г. Сочинения в двух томах. Том 1. СПб.: Мифрил, 1993.- 687 с.
9. Щербакова Е.В., Щербакова Т.Н. Организация временного коллектива в детском оздоровительном лагере // Проблемы современного педагогического образования. 2017. № 56-3. С. 266 – 275.
10. Курганова Е.А. Предпосылки трудовой деятельности в детском возрасте // Дошкольник. Методика и практика воспитания и обучения. 2012. № 4. С. 45 – 47.
11. Курганова Е.А. Современные мультисериалы как источник знакомства детей дошкольного возраста с содержанием моральных норм // Дошкольник. Методика и практика воспитания и обучения. 2016. № 2. С. 60 – 66.
12. Портнова Т.В. Формирование знаний о целостной картине развития культуры и искусства западной Европы средних веков (междисциплинарный компонент в структуре вузовской образовательной программы по искусствоведческому направлению) // Современные наукоемкие технологии. 2020. № 9. С. 204 – 208.
13. Портнова Т.В. Философское осмысление танца как средство формирования исследовательской активности магистрантов по направлению "хореографическое искусство" // Научное мнение. 2020. № 10. С. 47 – 52.
14. Портнова Т.В. Архитектура античных театров как элемент мирового культурного ландшафта // Обсерватория культуры. 2020. Т. 17. № 3. С. 320 – 332.
15. Лаврентьев А.Н., Жердев Е.В., Кулешов В.В., Покровская Л.В., Сазиков А.В., Мясникова Л.Г., Бирюков В.Е., Левина О.Ю. Цифровые технологии в дизайне. История, теория, практика// Учебник и практикум / Москва, 2019. Сер. 64 Авторский учебник (2-е изд., испр. и доп)
16. Лаврентьев А.Н. Вхутемас-вхутеин: проблемы взаимодействия художественной и технической культур// Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА. 2010. № 3. С. 3-23.
17. Лаврентьев А.Н. Феномен "книги художника" как единство слова, графики и личности художника// Дом Бурганова. Пространство культуры. 2011. № 2. С. 84-92.
18. Лисина Е.А. Феномен ритуала в жизни общества: социально-философский анализ// Оренбургский государственный университет. Оренбург, 2009
19. Лисина Е.А. Личность и ритуал: аспекты взаимодействия//Актуальные проблемы современной науки. 2010. № 1 (51). С. 36-39.
20. Лисина Е.А. Роль ритуального в культуре и социуме// Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 8-1 (14). С. 142-146.
21. Лисина Е.А. Архетипическое и символическое в ритуале. Две важнейшие социальные функции ритуала// Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2014. № 5. С. 10-31.
22. Лисина Е.А. Латиноамериканский "след": к вопросу онтологии культурных влияний// ир науки, культуры, образования. 2012. № 2 (33). С. 449-452.
23. Габриелян Т.О.Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Таврическая академия, Факультет информационно-полиграфических технологий, Кафедра книжной графики и дизайна печатной продукции; Московская государственная художественно-промышленная академия имени С. Г. Строганова. Симферополь, 2018.
24. Жердев Е.В., Чепурова О.Б., Шлеюк С.Г., Мазурина Т.А. Формальная композиция. Творческий практикум по основам дизайна// Оренбург, 2014.
25. Ганцева Н.Н., Курган Г.И., Костиков Н.А., Машакин А.И. Искусство как отражение эпохи// Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА. 2016. № 4. С. 82-91.
26. Ганцева Н.Н. К вопросу об историографии мебельного искусства Франции XVIII-XIX вв// Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА. 2015. № 4. С. 232-23
27. Жердев Е.В., Мазурина Т.А. Стратегия российского брендинга// Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА. 2013. № 1. С. 028-038.
28. Жердев Е.В. Прагматический аспект семиотики дизайна// Известия Сочинского государственного университета. 2012. № 1 (19). С. 215-219.
29. Майстровская М.Т. Всемирные выставки как феномен проектной культуры// Декоративное искусство и

- предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА. 2014. № 3. С. 16-27.
30. Майстровская М.Т. Экспозиционный дизайн музея: основные понятия// Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА. 2012. № 4. С. 4-12.
31. Майстровская М.Т. Пролетарские музеи революционной России как образовательные центры новой культуры// В сборнике: Революция в искусстве и новации в художественном образовании. Материалы Международной научной конференции памяти Александра Алексеевича Дубровина, ректора МГХПА им. С.Г.Строганова в 1999–2007 годах. 2017. С. 176-183.
32. Мусина Р.Р. Традиционная отечественная керамика. Особенности развития, художественное своеобразие (вторая половина XIX века - 1980-е годы)// автореферат дис. ... доктора искусствоведения / Моск. гос. худож.-пром. акад. им. С.Г. Строганова. Москва, 2012
33. Мусина Р.Р. Некоторые замечания по поводу процессов в современной керамике народных художественных промыслов// Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА. 2010. № 4. С. 77-83.

Theoretical concepts of development of culture

Sonya A. Khubaeva

Senior lecturer,
Department of Philosophy and Cultural Studies,
South Ossetian State University named after A.A. Tibilov,
100001, 8, Moskovskaya str., Tskhinval, Republic of South Ossetia;
e-mail: khubaeva.sonya@yandex.ru

Abstract

The article deals with the phenomenon of "culture" and its historical development from a philosophical point of view. Culture as a concept began to be explored millennia after its emergence. The thinkers saw their task in explaining the meaning of culture and the connection of world history as a whole with man as the creator of culture and his personal development. As a result of such a research process, a scientific discipline – cultural studies - appears which aims at answering the questions posed.

The article examines important concepts of culture, starting from the XVIII century to the Marxism period, provides the points of view of famous philosophers, mainly representatives of the German classics.

The paper shows that in determining the phenomenon of culture, all otherwise oriented thinkers, including materialists, did not fully cope with their task. And in this form, cultural science reached the second half of the XIX century, when a previously unknown, deeply original socio-philosophical system of Marxism was formed, which, by its internal logical essence, turned out to be in many ways a turning point in solving the problems of culture.

For citation

Khubaeva S.A. (2021) Teoreticheskie kontseptsii razvitiya kul'tury [Theoretical concepts of development of culture]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 10 (3A), pp. 89-101. DOI: 10.34670/AR.2021.51.64.011

Keywords

Culture, history, cult, cognition, education, material principle, spiritual principle, ideology, morality, humanity, reasonableness, humanity.

References

1. Hegel. Essays in 14 volumes. Volume 7. L: State Socio-economic Publishing House (Sotsekgiz), 1934.
2. Golbach P. A. Selected works in two volumes. Volume 2. Moscow: Mysl 1963, 563 p.
3. Kant I. Works in six volumes. Volume 4. Moscow: Mysl, 1965, p.
4. Kant I. Works in six volumes. Volume 5. Moscow: Mysl, 1966, 564 p.
5. Kant I. Works in six volumes. Volume 6. Moscow: Mysl, 1966, 743 p.
6. Schiller F. Collected works in seven volumes. "Letters about the aesthetic education of a person". Volume 6 M.: Red Proletarian, 1957,.
7. The literary theory of German Romanticism. L. 1934. 329 p.
8. Fichte I. G. Works in two volumes. Volume 1. St. Petersburg: Mithril, 1993. - 687 p.
9. Shcherbakova E. V., Shcherbakova T. N. The organization of a temporary team in a children's health camp // Problems of modern pedagogical education. 2017. No. 56-3. pp. 266-275.
10. Kurganova E. A. Prerequisites of labor activity in childhood // Preschooler. Methods and practice of education and training. 2012. No. 4. pp. 45-47.
11. Kurganova E. A. Modern animated series as a source of acquaintance of preschool children with the content of moral norms // Preschooler. Methods and practice of education and training. 2016. No. 2. pp. 60-66.
12. Portnova T. V. Formation of knowledge about the holistic picture of the development of culture and art in Western Europe of the Middle Ages (an interdisciplinary component in the structure of the university educational program in the art direction) // Modern high-tech technologies. 2020. No. 9. pp. 204-208.
13. Portnova T. V. Philosophical understanding of dance as a means of forming the research activity of undergraduates in the direction of "choreographic art" // Scientific opinion. 2020. No. 10. pp. 47-52.
14. Portnova T. V. Architecture of ancient theaters as an element of the world cultural landscape // Observatory of Culture. 2020. Vol. 17. No. 3. pp. 320-332.
15. Lavrentiev A. N., Zherdev E. V., Kuleshov V. V., Pokrovskaya L. V., Sazikov A.V., Myasnikova L. G., Biryukov V. E., Levina O. Yu. Digital technologies in design. History, theory, practice // Textbook and practicum / Moscow, 2019. Ser. 64 Author's textbook (2nd ed., ispr. and dop)
16. Lavrentiev A. N. Vkhutemas-vkhutein: problems of interaction of artistic and technical cultures // Decorative art and the subject-spatial environment. Bulletin of the MGHPA. 2010. No. 3. pp. 3-23.
17. Lavrentiev A. N. The phenomenon of the "artist's book" as the unity of the word, graphics and the artist's personality // Burganov's house. The space of culture. 2011. No. 2. pp. 84-92.
18. Lisina E. A. The phenomenon of ritual in the life of society: a socio-philosophical analysis // Orenburg State University. Orenburg, 2009
19. Lisina E. A. Personality and ritual: aspects of interaction // Actual problems of modern science. 2010. No. 1 (51). pp. 36-39.
20. Lisina E. A. The role of ritual in culture and society // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice. 2011. No. 8-1 (14). pp. 142-146.
21. Lisina E. A. The archetypal and symbolic in ritual. The two most important social functions of the ritual // Context and reflection: philosophy about the world and man. 2014. No. 5. pp. 10-31.
22. Lisina E. A. Latin American "trace": on the question of the ontology of cultural influences // ir of science, culture, education. 2012. No. 2 (33). pp. 449-452.
23. Gabrielyan T. O. V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Taurida Academy, Faculty of Information and Printing Technologies, Department of Book Graphics and Printed Products Design; Stroganov Moscow State Academy of Art and Industry. Simferopol, 2018.
24. Zherdev E. V., Chepurova O. B., Shleyuk S. G., Mazurina T. A. Formal composition. Creative workshop on the basics of design // Orenburg, 2014.
25. Gantseva N. N., Kurgan G. I., Kostikov N. A., Mashakin A. I. Art as a reflection of the epoch // Decorative art and the subject-spatial environment. Bulletin of the MGHPA. 2016. No. 4. pp. 82-91.
26. Gantseva N. N. On the historiography of furniture art in France of the XVIII-XIX centuries // Decorative art and the subject-spatial environment. Bulletin of the MGHPA. 2015. No. 4. pp. 232-23
27. Zherdev E. V., Mazurina T. A. Strategy of Russian branding // Decorative art and the subject-spatial environment. Bulletin of the MGHPA. 2013. No. 1. pp. 028-038.
28. Zherdev E. V. The pragmatic aspect of design semiotics // Proceedings of the Sochi State University. 2012. No. 1 (19). pp. 215-219.

29. Maistrovskaya M. T. World exhibitions as a phenomenon of project culture// Decorative art and the subject-spatial environment. Bulletin of the MGHPA. 2014. No. 3. pp. 16-27.
30. Maistrovskaya M. T. Exposition design of the museum: basic concepts// Decorative art and the subject-spatial environment. Bulletin of the MGHPA. 2012. No. 4. pp. 4-12.
31. Maistrovskaya M. T. Proletarian museums of revolutionary Russia as educational centers of new culture// In the collection: Revolution in art and innovations in art education. Materials of the International Scientific Conference in memory of Alexander Alekseevich Dubrovin, Rector of the Stroganov Moscow State Pedagogical University in 1999-2007. 2017. pp. 176-183.
32. Musina R. R. Traditional domestic ceramics. Features of development, artistic originality (the second half of the XIX century - the 1980s)// abstract of the dis.... Doctor of Art History / Moscow State University of Fine Arts.- prom. akad. named after S. G. Stroganov. Moscow, 2012
33. Musina R. R. Some remarks on the processes in modern ceramics of folk art crafts// Decorative art and the subject-spatial environment. Bulletin of the MGHPA. 2010. No. 4. pp. 77-83.